

V. Как спасли Шипку.

1. На выручку.

Когда генерал Гурко отступил из-за Балкан обратно на наш малочисленный отряд, занимавший вершину Шипкинского прохода, обрушился Сулейман-паша с 40.000 лучших турецких солдат. На выручку нашим из Тырнова спешно двинули несколько полков, которым надо было ежедневно делать верст по шестидесяти, чтобы выручить своих.

Путь из Тырнова шел сначала берегом р. Янтры, гремющей среди своих громадных скал. Над этими скалами сползает на самую макушку горы весь сверкающий на солнце город. Это — целая масса зданий, суживающаяся кверху; одни на кровле других — без промежутков, без клочка земли. Хотелось остановиться на чудных картинах окрестностей, но тяжелая действительность на каждом шагу выдвигала пред нами одну за другою печальные подробности похода. Уже под самым Тырновом лежат у дороги отставшие солдаты. Из них усталых мало, большинство — пораженные солнечным ударом. Распаренное, красное лицо, остеклевшие глаза, бессильно раскинутые руки. Видимо, не хватило сил даже ранца с себя сбросить. Где один, где два. Чем дальше, тем чаще, а в верстах десяти-двадцати точно шпалерами вдоль дороги разбросаны. Около каждого солдатика — болгарки. Одна обливает ему голову водой, другая поит его, третья держит над ним какую-то тряпку от солнца. Отлежится, — встанет бедняга и опять побредет вперед. Наконец, в пятнадцати верстах от Тырнова мы заметили впереди приостановившийся Житомирский полк.

— Что это, братцы, отдыхаете?

— Отдыхаем... Погляньте-ка, — показал солдат на-право.

Круто к утонувшей зелени Янтры спускается поросший кукурузой берег. Между стеблями точно сотни трупов разбросано. Подходим, — и сердце сжимается. Стоны, крики, вопли, вымученные болью. В разных положениях лежат солдаты. Одни в истоме, почти омертвевшие, другие с красными лицами и побагровевшею сверху грудью... Тяжело поднимается эта грудь, и каждый раз, как опустится она, хриплый стон проникает к вам в душу. Некоторые стонут чаще и чаще, стон переходит в крик, — крик беспамятный, безотчетный... Так и кажется, вот-вот свихнется глотка. На одного такого попробовали брызнуть водой, — он отпрянул, точно что-то отбросило его, и дикий, нечеловеческий крик покрыл сотни больных стенаний и воплей... Еще тяжелее, когда видишь и слышишь сильного бородача, который, немощно разметавшись, начинает всхлипывать у ваших ног, точь-в-точь маленький ребенок.

Полки уже третий день в пути, жара убийственная, редкая даже для этого знойного климата, и в эту-то именно жару полк поднялся в четыре часа утра и до пяти вечера сделал пятьдесят шесть верст! Это с шинелями, сухарями и чуть ли не ранцами за плечами. Настоящий суворовский переход, с тем различием, что у Суворова люди шли без всякой ноши.

— Должно быть, скверно на Шипке!

— А что?

— Драгомиров знает, что лучше здесь положить сто солдат, чем там потерять несколько полков; поверьте, он спешит не даром!

Потом это предположение оправдалось вполне.

Некоторые болгарки пробрались и сюда помогать, чем и как могут. Солдаты здоровые, отдыхающие около, тоже изморены до невозможности. Под каждым деревом, где только есть клочок тени, насыпано их так, что яблоку упасть негде. И совершенно несвойственное им молчание царит тут. Ни смеха, ни шуток, ни песни. Сидят, положив голову на колени и охватив ее руками, — и ни слова. При этом ни упрека, ни жалобы.

— Надо идти, ничего не поделаешь!

— Своим помощь подать... — отозвались ему два голоса из всей этой молчаливой толпы.

Едет ли кто-нибудь из Габрова навстречу, — солдаты обступают.

— Держатся ли еще наши?

— Держатся, идите скорее... Плохо!

— Дай Господи... Вот помощь подадим.

— Спасибо второй горной батарее...

— Артиллеристы — защита, что говорить. Гранатой *его* до-нимают, только *он* сунется, а *ему* картечь в лоб. *Он* и не любит.

— Офицеров страсть что перебито!..

— Царство небесное...

Вести тревожнее и тревожнее. Держатся, но простоят недолго... Турок сила большая наступила, со всех сторон прут на Шипку... Начальник штаба болгарского ополчения Рынкевич ранен... Турки обошли нас. Народу целые рвы с верхом набито!

Солдаты подбираются и идут вперед... А направо и на-лево — превосходно обработанные поля, тучные нивы... Вершины гор тонут в безоблачном небе, сады мягко круглятся за красивыми, без всякого цемента сложенными каменными оградами; в лощинах по каменным скатам бегут ручьи.

Сады все чаще и гуще, близко Дреново, утонувшее в зелени. Весь в ее благоуханных облаках город сползает к реке, гремящей в скалах; вместе с ними он перекидывается на другую сторону. Над улицами висят выступающие вперед верхние этажи домов. Через карнизы перебрасываются виноградные лозы, некоторые заплели сплошь деревянную ветхую стену и даже хотят окно заполнить, так и лезут внутрь своими цепкими стеблями... Все, что живет здесь и дышит, выбежало на улицы. В глазах светится радость, нам бросают цветы, пучки какой-то пахучей травы. Еще бы! Войско идет, — залог, что хоть в эти дни в мирном городе не будет резни, и хотя на эту ночь все эти улыбающиеся дети и цветущие девушки могут заснуть спокойно!.. Какая-то женщина с ребенком на руках бросила мне слив, другая раздаст солдатам, кому успеет всунуть в руки, куски свиного сала. На перекрестке чаны с водой, и несколько стариков с чашками в руках поят усталых ратников.

Луна тихо всплыла над массами Балкан. Невольно взгляд уходил туда, где теперь, честно охраняя свой пост, умирали Орловский полк и болгарская дружина.

Пирамидальные тополи высоко возносили по сторонам свои тонкие вершины; везде горели костры, озаряя усталые, изнеможенные лица. Вся дорога еще гуще усеяна беглецами, но только скорбу у них больше, — возы десятками, ковров и подушек груды. Что это за богачи? Оказывается, что, в ожидании турецкого нашествия, пол-Габрово бежало сюда. Они и собраться имели время, да и турки не так разоряли этот исключительно болгарский город.

Видимо, привлекаются места тревожные, опасные. Все подбираются на всякий случай... Нагнали стрелков, — те идут налегке без ранцев и первыми должны поспеть завтра на выручку шипкинскому отряду.

Войска к вечеру утомились, вести их дальше очень рискованно. Знали, что на перевале дела серьезны, турки неистово лезут на наши позиции, чтобы захватить их ранее прибытия подкреплений. Солдаты устали так, что, не доходя до Габрова, расположились на отдых голодные, редкий пожевал сухарей. Торжественное молчание царило здесь в эту тяжелую для защитников Шипки ночь. Сырую долину, где спали полки, даже не поставив своих палаток, со всех сторон теснят высокие горы; чем ближе к Шипке, тем они выше и выше. Впереди — суровые и скалистые громады, за ними — лесной хребет, а еще дальше только намечаются густо синью самые отдаленные... По всему пути от Тырнова до Габрова и здесь войска встречали бежавшее сюда из долины Марицы и Тунджи болгарское население. На коленях старики благословляли солдат, женщины плакали. Утром дали отдых до полудня и чуть не потеряли Шипку, благодаря этому: следовало двинуть в восемь или ранее.

11-го августа жара началась еще невыносимее, чем в первые два дня; но войска приободрились, отдохнули и солнечных ударов было только шесть. Точно во сне, мелькнуло мимо Габрово. На тесных улицах с радостью встречало нас население: женщины протягивали нам детей, бросали цветы, старики издали крестили солдат, мальчуганы пели болгарский гимн, подносили вино и воду; из-за прочных решеток в окнах голубых домов при-

стально смотрели на проходившие мимо полки только теперь свободно вздохнувшие люди. В тени высоких каменных зданий в одном месте бежит холодный ключ и падает на каменный плиты. Тут солдаты теснятся больше всего. Всякий спешит зачерпнуть воды и напиться. На полчаса мелькнул город и опять ушел назад с своею восточною пестротой, говором шумной жизни и радостными толпами.

— Ура! — грянуло в толпах солдат.

— Что такое? — спрашиваю у ближайших.

— А вон она!

Высоко в синеву неба, позади лесного хребта, ушла смелым взлетом крутая вершина св. Николая. Вся она в дыму. Оттуда слышится частый грохот орудий...

— Ура! — подхватываюсь новые толпы, и гулко бежит оно по лощинам и ущельям во все стороны Балканского предгорья.

Вспыхнула и разгорелась песня. Солдаты точно обрадовались; ничего напускного не было. Только здесь убеждаешься, какое ратное товарищество существует между ними. С утра слышали: скорее, скорее, *там* умирают, думают отступить, если не придете вовремя. Понятно, что все это дрогнуло от внезапного порыва, увидев место, где стойко бьются орловцы и брянцы с дружиною, бьются и тают с каждым часом, как тает снег от знойных лучей весеннего солнца.

Сердце бьется сильно, хочется скорее добежать туда, пристроиться к этим умирающим рядам, уже три дня выдерживающим бой одного против двадцати... Хочется крикнуть им: — стойте еще часа три, и мы будем с вами. Лихорадочное нетерпение в рядах солдат.

— Дали им знать, что идем?

— Знают ли они?.. Казаков бы спосылать.

Еще более волнуются офицеры.

— Посадить бы на лошадей стрелков... Как бы не опоздать... Видать ли им оттуда, что мы идем?

Вон впереди показался казак на взмыленной лошади. Во весь опор мчится вперед.

— Где корпусный?..

— А что?..

— Помощь скорее нужна. Не выстоим, больно прут, дьяволы...

Больное чувство все растет и растет... А если будет поздно?.. А если уже все кончено?.. Неужели даром за этот перевал пролилось столько крови?.. Неужели у нас его отнимут? И зорко всматриваешься туда, точно что-нибудь можно на таком расстоянии разглядеть и различить. на этих крутых скатах.

— Ну, что?.. Как дела? — встречают другого казака...

— Трудно... Ой, как трудно!.. наших мало...

— Да два-то часа неужели не выстоят?

— Два часа выстоим. Главная причина, — его — сила неосветимая...

Другого спрашивают: — выстоят ли?

— Куда выстоять... Со всех сторон, братцы!.. Валом валит.

— Ужель отдадут орловцы?..

— И рады бы не отдать, да наших мало стало.

Это "наших мало" быстро пробегает по рядам. Солдаты без приказа подтянулись и пошли скорее. Стрелковая бригада и без того идет быстро, а тут точно она добежать хочет. "Наших мало стало", — раскатывается от передних рядов к задним. "Бог милостив... Авось, еще часок-другой выстоят... Весть бы им послать, что мы идем. Дать знать. Ужли ж начальство не распорядилось... Должно, известили"...

А ущелье, которым мы подвигаемся вперед, все теснее и теснее. Налево грохочет в скалах красивая Янтра. То и дело, через нее перекидываются каменные мосты. По обеим сторонам точно давят дорогу высокие горы, одетые каштанами и дубами. Одна за другой выдвигаются их зеленые вершины. Побежала ложиной дорога еще уже, еще теснее, обвивается вокруг каждого выступа, точно змея, поползающая между камнями. Так верст пять...

— Стрелков на лошадей сажать велено... Стрелки, на лошадей!

— На лошадей!.. — громко и тревожно разносится команда.

— Видно, трудно приходится! Господи, благослови...

Роту или две посадили на коней и двинули вперед, по крутым всползням св. Николая; дорога от ложины поднимается вверх. Направо — целое море горных вершин. Точно вся эта местность ключом вскипела, да так и окаменела в момент самого сильного кипения... Некогда ду-

мать о жаре, об усталости; пешие стараются не отстать от конных. Половину стрелков поставили на отдых, — ропот между солдатами пошел. Когда тут отдыхать, чего еще тут ждать? — "Пойдем, братцы... Вишь, их сила какая. Орловцам да брянцам не совладать без помощи!" И опять то же самое: — "Видят ли они нас?.. Заметили ли?.. Дать бы знать".

— Скорее, братцы, скорее!.. — кричит налету казак, стремглав спускаясь вниз на коне.

— Идем... Торопимся и то.

— *Его* сила забирает. С утра отдыха не дал нашим и ночью беспокоил, — не спали.

— Не ели ничего... — сообщил другой. — Все отбиваемся... Понатужьтесь, братцы.

— Идем, идем!

— То-то, скорее бы...

И по мере того, как росла тревога, все молчаливее и сосредоточеннее становились солдаты. Крикнет один: — "выстоят ли, продержатся ли?" И опять насупятся, только большие шаги стараются делать да ружья подтягивают. Еще тяжелее под этим палящим жаром приходилось артиллерии и Житомирскому с Подольским полкам. Стрелки шли хотя прямо, а тем приходилось поминутно останавливаться. Шли так: взведут на перевал орудие, — стой; спустят, — опять стой. А тут, как нарочно, перевал за перевалом, лощина за лощиной. Изморились страшно.

2. Трехдневный бой.

Подойдя к Балканам, Сулейман с главными силами двинулся прямо на Шипку. У него было более 40 таборов; сверх того к нему приведено 10 таборов арабов и 10 таборов египетских войск. Уже в Габрове рассказывали, как бешено полчища турок ринулись на наши позиции, предварительно испепелив большое село Шипку. Сначала турки наступали только слева. Их бесчисленные атаки в первый день были изумительны для наших войск, привыкших видеть турок отступающими 8-го и 9-го августа и, сверх того, во время затмения, в турецком лагере

муллы*) читали коран**), на котором войска клялись, во что бы то ни стало, взять Шипку. Колонна за колонной двигались на нас целый день; чуть только дрогнет одна под выстрелами, слышится рожок, наигрывающий наступление, затем крик "Алла", и новая черная масса, стройная и правильная взбирается вверх, чтобы тотчас же смениться новою. Таким образом, "турецкая" (т. е. в июне отбитая у турок) батарея была атакована ими шесть раз, последний — в полном мраке. В то время как орловцы и болгарская дружина, поддержанные на другой день бряндами, одни должны были драться с неприятелем, голодные, истощенные, усталые, не подкрепившиеся сном, турки постоянно посылали свежие войска. В течение двух часов, как рассказывали мне, они одну и ту же свою цепь освежали, т. е. переменяли в ней солдата шесть раз. Мы должны были перед превосходными силами неприятеля стянуться со всех остальных позиций к горе святого Николая. Видимо, что мы имели дело с лучшими силами Турции. Правильность и стройность движения таборов, развертывавшихся внизу под нами, поражала солдат, а упорство нападений обнаруживало решительное намерение Сулеймана взять перевал, чего бы это ни стоило. Случалось, что треть колонны ляжет, не достигнув вершины, — кажется, вот-вот пойдут назад, нет, — идут новые и свежие колонны, и бой кипит на том месте, а там уже, глядишь, с диким криком лезут на наши скалы слева целые ряды красных фесок, и из лесу справа сверкают тысячи ружей, поднимающихся сюда же... Турки играли только три сигнала: наступление, сбор и "начальник убит, убрать начальника, нельзя убрать". Наши картечные гранаты падали в середину колонны. В половине пятого утра, когда уже было совсем светло, наш штаб вдруг оказался отрезанным. Какой-то офицер стремглав сбежал с батареи с криком:

— Взяли, взяли, взяли!

Наши оглянулись и видят, что массы турок прошли на наши позиции и заняли на них седловину, по которой идет шоссе. Таким образом, они были между нашим резервом и перевязочным пунктом с одной — и орлов-

*) Мулла — магометанский священник.

**) Коран — священная книга магометан.

ским полком с болгарскими дружинами с другой стороны. Не знаю, что произошло бы, если бы рота брянского полка, не ожидая команды, сама не бросилась бы атаковать смелый табор, для чего она вышла из ложемента, где сидела и отстреливалась от наступавшего с другой стороны неприятеля. В это время, оглянувшись на круглую батарею, наши увидели, что один артиллерист, в виду неприятеля и под огнем у него, молодецки рубит новые амбразуры, чтоб обернуть пушки против турок, занявших тыл у шоссе. Все бежали в шанцы. Общее настроение характеризуется рассказом одного офицера, который сообщал, между прочим, об этом моменте: "Я бегу в шанец, а сам смотрю, есть ли пуля в револьвере, чтобы застрелиться, если бы неприятель окружил меня"... К счастью, брянской роте удалось штыками опрокинуть турок. Во время суматохи перевязочный пункт бежал, остался только один доктор Коньков, тот самый, который под Эски-Загрой, заметив, что ротный командир и другие офицеры убиты, сам стал во главе роты и повел ее в штыки. С Коньковым застрял повар болгарского ополчения, русский солдат. "Что же ты не уходишь?" - спрашивают его. "А как же посуда будет, ваше высокоблагородие?" Коньков, оставшийся на перевязочном пункте, наконец, истратил бинты и стал перевязывать раны парусиной турецкой палатки. Все это время над позициями стоял страшный огонь, так что для посылки приказаний надо было вызвать охотников.

Оглушающий крик отовсюду, трескотня выстрелов... Устал, голод, а пуше всего жажда. Напиться негде, воды ни капли... Когда приостановилась атака, солдаты, рискуя жизнью, бегали за водой чуть не в черту неприятельского стана! Можно положительно сказать, что вода стоила жизни. Черкесы смело засели над водопоем, и мы должны были брать его с боя. Одно было спасение: в первые три дня турки не выдерживали нашего „ура". Наши крикнут, бросятся на них сверху, точно лавина,— и сметут вниз турецкие колонны. Атаки были до того неистовы, что турки хватались за наши штыки, стягивая к себе таким образом солдат, и моментально рубили их на куски. Наши раненые, оставшиеся внизу, были изуродованы до последней крайности. Я отказываюсь описывать мучения, которым они

подвергались. Один офицер, окруженный турками, застрелился сам, потеряв надежду выйти из этого круга целым. Во второй день были моменты, когда наши батареи молчали, перестреляв все свои снаряды, а между тем атаки становились все бешенее и бешенее; наши бросали навстречу вздымавшимся колоннам громадные камни, которые сметали вниз ряды турок.

Болгарская дружина вела себя также изумительно. Раз пятнадцать человек болгар опрокинули и погнали 180 турок под общее "ура" и одобрительные восклицания Орловского полка, усеявшего карнизы горы.

Один из дружинников, Груднов, взял обыкновенную гранату, бросился в турецкую колонну и кинул снаряд оземь. Разумеется, погибло не мало турок, причем и Груднов досталось от осколка, задевшего его за щеку.

В конце первого дня болгарское ополчение и орловцы поклялись лечь костями, а не отдать перевала. На другой день брянцы присоединились к этой клятве: "Ляжем до последнего человека".

Вся слава первого дня принадлежит горсти орловцев и болгарским дружинам, между которыми было 500 человек, только три дня как переведенных, совершенно новобранцев. Маленькому отряду не приходилось покидать своих ложементов, потому что атака шла с трех сторон одновременно. Иногда одна кучка, человек в двести, останавливала напор массы тысячи в три человек. Турки не выдерживали нашего огня, но часто таким небольшим толпам приходилось кидаться вниз и, жертвуя передовыми бойцами, опрокидывать турок, словно обвал, сползавших вниз, в ложины...

Ночью наши солдаты почти не имели времени отдыхать. То и дело завязывалась перестрелка с разными отрядами черкесов, арабов и баши-бузуков, которые, заняв лесные трющобы и спрятавшись за скалы, посылали оттуда в наш стан пулю за пулей. Второй день ознаменовался тем, что прибывшие ночью брянцы приняли участие в деле. Солдаты немного оправились, напились воды; турки в этот день мало нападали на нас. Роя траншею за траншеей, турки к вечеру уже подошли к нам на 600 шагов. Турки так пристрелялись, что нарочно выставлявшиеся из наших рвов шапки были пробиты в нескольких местах.

Первые две ночи мы не могли спать, потому что работали ложементы. Горячей пищи, понятно, не имели. Только на вторую ночь принесли порции мяса. Послали за подкреплением и получили в ответ, что на другой день утром придут стрелки житомирцы и подольцы. Это еще несколько поддержало наш отряд. В батареях снарядов оставалось очень мало, зарядов для ружей — тоже. На всем пространстве наших позиций не было квадратного аршина безопасного места. Пули сыпались отовсюду, некуда было укрыться. Убивали и ранили на перевязочном пункте. Все с ужасом думали, что будет, если наши опоздают...

Четыре атаки второго дня были уже направлены оттуда, откуда никто и не ожидал неприятеля; видимо, что турки за ночь сосредоточили свои силы на новых позициях и обложили нас еще т е с н е е . Уже в тот день они стали вокруг горы св. Николая подковой. Стоило лишь соединить концы подковы, и шипкинский отряд был бы отовсюду отрезан. Этого боялись более всего: при нашей малочисленности мы не могли бы помешать туркам.

Затишье второго дня было обманчиво: 11-го августа турки уже с трех сторон в четыре часа утра кинулись на наши позиции. Наступление их в этот день было особенно стремительно. Очевидцы говорят, что турки казались пьяными и бессмысленно лезли и на брустверы батарей, и на валы ложементов. Видимо, Сулейман-паша получил сведения, что русские подкрепления приближаются, и, во что бы то ни стало, хотел покончить с Шипкой сегодня же. Он и ударили на нас с фронта и флангов, наступали одновременно с трех сторон, постоянно меняя свои колонны. Сверху видели, как, по мере подъема, колонны эти таяли и таяли, но на смену им как будто из земли вырастали новые. Наш отрядец стоял бодро, имея в виду обещанные подкрепления к утру.

Утро пришло, — никто не явился; положение становилось критическим, атаки турок не прекращались. Нельзя считать их, скорее можно сказать, что весь этот день был одной непрерывной атакой с трех сторон. Южный склон св. Николая — почти отвесный; несмотря на это, неприятель лез на него отчаянно. Крики "Алла" не прекращались с утра. Шесть раз наши ходили в атаку и выбивали турок из занятых ими ложементов. Из ста раненых

подбирали одного, — остальные гибли. Отряд таял с каждой минутой. Выбьют врага, через час являются бесчисленные полчища, развертываются правильные колонны, и наши должны уступать. Брянский полк потерял своих штаб-офицеров и почти всех обер-офицеров. Солдат выбивали из строя сотнями; ряды наши редели и редели. Еще несколько часов, и Шипка останется без защитников.

В эту критическую минуту дружина, орловцы и брянцы дали обет еще раз: "ни под каким видом, пока живы, не уступать перевала".

Позади, в тылу уже показались черкесы, подготовленные Сулейманом для преследования; они даже по сторонам под самым носом у нас гнездами засели в лощины и за деревья густого чернолесья и открыли оттуда огонь на выбор. Прибавьте к этому, что 11-го августа ни у кого даже и сухарей не было, и мы до вечера оставались голодными. Воды у целого отряда — ни капли. Дело дошло до того, что там, где еще недавно стеной стояли солдаты, остались небольшие кучки бойцов, едва отбивавших неприятельские атаки...

Утром, когда подкрепление не явилось, начальники сообщили, что войска наши придут в два часа. В страшной резне прошел полдень, прошли час, два, три, а в стороне к Габрову не видно было ни одного солдата. В войска стало закрадываться отчаяние. В самом деле, колонны неприятеля обновлялись каждую минуту, а наши только умирали на своих постах, редая, как редет поле под косою.

Наших становилось так мало, что солдаты для защиты позиции должны были перебегать с места на место, а вдали все еще не показывалось подкреплений. Раненые не уходили, потому что без них некому было бы защищать иные позиции. Узнав от вновь раненых о том, что там осталось мало защитников, перевязанные возвращались назад в ложементы...

— Надо постараться. Время такое. Все одно умирать!

В редкие минуты отдыха утомленные бойцы пристально всматривались в синеву ущелий, по которым змеится дорога на св. Николай, но она оставалась все так же пустынной и безлюдной. Если что и шевелилось па ней, так это

партии черкесов, пробиравшихся к нам в тыл. Во время атаки, для того, чтобы парализовать превосходные силы неприятеля, солдатам болгарской дружины приходилось бросаться в толпу врагов поодиночке и, схватясь за дуло ружья, работать прикладом. В такой борьбе прошло несколько часов.

В два часа пополудни, позади, в тылу, все так же было тихо, как и раньше; подкрепления не показывались. Полное уныние стало закрадываться в душу начальников и солдата. На этих позициях, облитых кровью, приходилось лечь и остальным, оставив их торжествующему врагу. Решились ждать еще несколько часов, но уже ждать без надежды.

— Нас оставили, бросили... Видно, силы нашей не хватает... Одолел враг, — говорили солдаты.

Что бы то ни было, об отступлении никто не думал... Только раз с правофланговой позиции потянулась масса раненых, а за ними — и здоровые, оставшиеся без патронов. Навстречу им Лапинский. "Куда вы, братцы? Отступления нет и не будет!" Смешанная толпа орловцев, брянцев и дружинников тотчас повернула назад. К ним пригнули и раненые. Тотчас же на этот пункт кинулись турки. Вернувшиеся встретили их чем попало: швыряли камнями, обломками ружей, комьями земли. Обыскивали убитых, нет ли патронов, и, таким образом, все-таки отстояли позицию.

Все возможное для героизма и самопожертвования было уже сделано; оставаться здесь долее значило решиться на великое историческое самоубийство...

Орловцы плакали, предвидя возможность, что эти позиции без защитников будут заняты врагами. Солдаты умоляли офицеров не отдавать Шипки. "Кровью добыли, все до единого здесь ляжем". Точно их сердца приросли к этим голым скалам и серым откосам... Как вернуться назад, не отстояв этого пункта!.. Офицеры тоже думали, что Шипкинский перевал — узел, пульс войны, что вторично брать его обойдется нам еще несколько десятков тысяч жизней.

Мрачную шеренгою еще стояли солдаты, но большая часть уже отбивалась машинально, механически. Изверились в поддержку своих и умирали на своих постах с горьким

чувством брошенного и забытого бойца. Тем не менее, приказания об отступлении не было и не могло быть.

Думали, что смерть нашим приходит. Из всех щелей вылезали враги. "Алла!" просто в ушах звенело. На наше "ура" никакого внимания не обращали.

Видимо, турки, проведав о чем-то, решились взять Шипку теперь, сейчас или никогда. Солдаты едва отбивались; но есть же пределы и для героев...

Ряды за рядами умирали или падали под ударами. Шаг за шагом оказывался в руках у неприятеля, стойко, двадцать на одного, подвигавшегося вперед. Какой-то паша на белой лошади позади подбодрял отставших; турецкие офицеры пристреливали тех из своих, кто бежал.

Конец!.. Еще несколько минут, — и Шипка — турецкая опять, и лавина варваров обрушится опять в долины Янтры и Лома, чтобы, испепелив Габрово, Древново, Травну и Тырново, облить кровью эту благословенную небом страну...

Далеко, далеко, послышался какой-то гул... Громче и определеннее... Остановились и враги; а наши вперли усталые взоры на дорогу к св. Николаю...

Далеко на ее извивах легли какие-то тени... Что-то сверкает под лучами заходящего солнца... Неужели идут свои?..

Гул все растет... Складывается в громкое, неудержимое "ура!"

"Ура" подхватывается ранеными и на перевязочном пункте, как молния, перекидывается на вершину св. Николая.

Под радостный крик, верхом на лошадях, стремглав подскакали стрелки, и вдруг св. Николай, опять ошетилившийся тысячами штыков, бросает в колонны турок огонь и смерть...

Точно и не бывало устали, точно эти люди три дня не дрались на своих постах! Не думая уже о себе, забыв голод и изнеможение, все сразу, без приказа, бросились с позиции в наступление и (воодушевление делает чудеса), моментально смели вниз озлобленную массу неприятеля, а задние ряды в это время уже обнимались и целовались с прискакавшими стрелками.

Шипка была спасена.